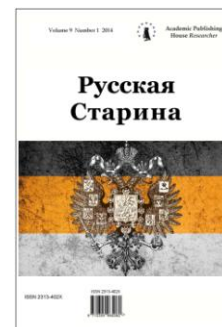

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
Vol. 9, No. 1, pp. 18-25, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

UDC 94

Ethnoreligious Mosaic of the Late Imperial Russia: National and Confessional School of Uyezd Chistopol

¹ Irina V. Kornilova² Timur A. Magsumov

¹⁻² Naberezhnochelninsky Institute of Socio-educational technologies and resources, Russian Federation
423806, Republic of Tatarstan, Naberezhnye Chelny, str. Nizametdinova, 28

Abstract. The paper considers regional interpretation of politics, concerning imperial space consolidation on the example of schools of uyezd city of polyethnic Povolzhskiy Region. The fact that modernization processes, supported by the demands of the local elite, prevailed over traditionalistic policy of the authorities, concerning the creation of the united nation, aimed at the maintenance of the viability of the imperial regime is stated.

Keywords: education; Chistopol; nation; religion; Russian Empire.

Введение.

В позднеимперский период российской истории в нашей стране происходит одно из ключевых цивилизационных изменений – осознание политическими элитами этнической разнородности империи и попытки эту разнородность преуменьшить, чтобы создать единую русскую нацию. Эти устремления особенно ярко выражались в отношении востока империи, где власти концентрировали свои весьма противоречивые усилия в идеологии и публичной практике в педагогической, научной, религиозной и политической сферах. В особенности этот процесс коснулся образования как области, где культурная трансформация Востока мыслилась цивилизаторскими идеологами как наиболее подходящая и потенциально эффективная для создания однонационального государства.

Указанные проблемы рассматриваются нами на примере Чистополя – одного из уездных центров многонациональной и поликонфессиональной Казанской губернии. Именно Казанский край был для Российской империи своеобразным «окном на Восток», являясь одновременно лабораторией теории и практики интеграции обширной страны. Сосредоточенность на нетипичном – не казанском (в урбанистическом смысле) – компоненте обусловлена необходимостью анализа всего многообразия региональной этноконфессиональной специфики на микроуровне, поскольку именно небольшие уездные города становятся своеобразными узловыми центрами социальной жизни, где тесно переплеталась городская и деревенская культуры, бок о бок жили и взаимодействовали представители разных сословий, вероисповеданий, национальностей.

Материалы и методы.

Вышеназванными постулатами объясняется особенность подбора источников и методов. Превалирование толкования процессов определило незначительное привлечение

источниковой базы, применение которых шло классически источниково – посредством привлечения нормативно-правовых документов, делопроизводства и в особенности материалов периодической печати (прямолинейно отражавшей этнорелигиозные темы), а также историографически – рассматривая труды историков в особой форме по данной теме.

Источники анализируются нами в историко-генетическом ключе с помощью историко-сравнительного метода при главенстве в историографическом анализе метода целостности и обязательной ориентацией на ценностный подход при неукоснительном учете междисциплинарности изучаемой проблемы. Определяя методологические основания исследования, авторы использовали научные подходы, свойственные модернизационной парадигме, образовательной урбанистике и адаптивно-деятельностной культурологии. Результаты исследования структурированы в проблемно-хронологическом порядке.

Обсуждение проблемы.

Вопрос о национальной и религиозной школе в советской историографии по большей части замалчивался, в лучшем же случае рассматривался как негативный фактор «русификаторской политики царизма». Последнюю идею активно продолжила российская историческая наука 1990-х гг., заикнувшись, как и все общество того времени, на абсолютизации этнорелигиозных проблем в истории. Позитивные тенденции последних лет – широкий междисциплинарный контекст исследования, понимание противоречивости имперской политики, внимание к региональным измерениям – способствовали качественному росту изысканий в этой сфере [1; 2; 3; 4].

Результаты.

В соответствии с масштабной реформой народного образования начала XIX в. была задумана и осуществлена в 1808-1818 гг. реформа духовного образования. Ближайшей целью ее явилось стремление устранить негативные стороны системы духовного образования, придать единство и преемственность всем ступеням духовной школы, поднять уровень образования. Важно подчеркнуть эту зависимость изменений в жизни духовной школы с преобразованиями, проводимыми в светских учебных заведениях [5, с. 20]. По существу, именно с этого момента духовная школа включилась в своеобразную гонку со светской, стремясь не отстать от нее по уровню образования.

Значительную роль в подготовке и проведении реформы духовного образования сыграли два выдающихся человека: крупный государственный деятель М.М. Сперанский и не менее известный труженик Церкви – митрополит Филарет (Дроздов). Именно М.М. Сперанский задал основное направление в изменении подхода к целям духовного образования. Он считал, что «цель просвещения есть без сомнения твердое и основательное изучение Религии». Духовное образование, подчеркивал М.М. Сперанский, призвано сформировать «просвещенных и благочестивых служителей Церкви», поскольку «требовался просто знаток священных текстов, механически их воспроизводящий, а богослов, толкователь, понимающий потаенный смысл Священного Писания» [6, с. 95].

Низшими духовными учебными заведениями российской глубинки были уездные приходские и духовные училища, призванные дать первоначальное образование детям из среды православного духовенства. Духовные учебные заведения, оказавшие влияние на формирование религиозно-нравственного уклада и развитие культурно-образовательного уровня провинциальных жителей, были основаны, а затем и функционировали благодаря огромным усилиям местного духовенства, благотворителей и прихожан.

Духовные училища в Российской империи принадлежали к Ведомству Православного Исповедания и были не столько профессиональными и религиозными, сколько сословными учебными заведениями, предназначенными для мальчиков из семей духовенства. В духовные училища поступали мальчики, владевшие основами грамоты, в большинстве своем они получали домашнее образование. Срок обучения составлял 5–6 лет, обучение было бесплатное, мальчики были на казенном содержании. Изучались дисциплины общеобразовательного цикла, а также богословские предметы. Лучшие выпускники могли продолжить обучение в духовных семинариях. Остальные поступали на службу в Ведомство Православного Исповедания, служили низшими членами причта – дьячками, пономарями, псаломщиками. Были и те, кто покидал духовное сословие, становился мелким чиновником

или служащим, так как грамотность в России XIX столетия уже была своеобразной квалификацией.

В Казанской губернии, многонациональной и этноконфессиональной по своему составу, в течение долгого времени не было духовных училищ, вместо них действовали приготовительные классы в Казанской духовной семинарии. И только в 1829 г. было открыто сразу три духовных училища – Свияжское (позже переведено в Казань), Чебоксарское и Чистопольское.

Чистопольское духовное училище было основано в 1829 г. благодаря благотворительным инициативам купцов, выразившимся в материальной поддержке учебных заведений, прежде всего духовных. В этом прослеживалось неравнодушное отношение к развитию образования в купеческой среде города. Ежегодно купцы Чукашевы, Мешкевичи тратили на дела благотворительности огромные суммы, причем писать об этом они запрещали, исходя из осознания евангельской истины, гласящей о том, что милостыня должна быть тихой.

Училище первоначально разместилось в доме, купленном у чистопольского купца Леонтия Ивановича Мешкичева. Позже, в 1891-1895 гг., на этом месте было построено новое трехэтажное здание училища с Домовой церковью во имя святой равноапостольной царицы Елены. Это здание прекрасно сохранилось до наших дней на улице Бебеля, 121/33. Здание было построено по проекту казанского архитектора Льва Казимировича Хрцоновича (1838–1907), на пожертвования купцов Григория Егоровича и Николая Егоровича Чукашевых, представителей той части известного купеческого рода, которая из старообрядчества обратилась к господствующей церкви [7, с. 60].

По штатам в училище было 5–6 преподавателей, большинство из них были выпускники Казанской духовной академии, одни имели сан священника, другие – чин по табели о рангах. Во главе училища стоял смотритель. Большим авторитетом у учеников и преподавателей пользовался смотритель училища в 1885–1901 гг. протоиерей Василий Андреевич Миртов (1852–1903), выпускник Казанской духовной академии 1876 г. Новое здание училища было построено благодаря его энергичной деятельности.

Учащимися духовного училища в первой половине XIX века были дети духовенства из Чистопольского, Лаишевского и Мамадышского уездов. Число учащихся составляло 120–140 человек. Воспитанием ребят призваны были заниматься смотритель, его помощник и четверо надзирателей. Все надзиратели являлись выпускниками духовных семинарий. Они получали небольшую зарплату, пользовались казенным жильем и бесплатным столом. За каждым классом закреплялся один надзиратель. Его обязанности сводились к наблюдению за учебной и внеклассной дисциплиной, а также докладам начальству о тех, кого следовало наказать за те или иные провинности. Жизнью учащихся надзиратели почти не интересовались. Система воспитательной работы тогда отсутствовала. Тем не менее, дисциплина в целом была хорошая. Ученики держались на тех устоях, которые получили в семейном воспитании.

Духовные школы рассматривались правительством как «кузница кадров» для различных ведомств. Так, выпускниками Чистопольского духовного училища были известные личности – архимандрит Палладий (Петр Иванович Кафаров) (1817–1878), священнослужитель Православной Российской Церкви, начальник 13-й Русской Православной миссии в Пекине, создатель китайско-русского словаря и транскрипционной системы; Михаил Константинович Элпидин (1835–1908), революционер-шестидесятник, крупнейший издатель нелегальной литературы, наследник А.И. Герцена и Н.П. Огарева в деле вольного русского слова.

Решающей в жизни училища стала реформа 1867 г., когда был принят новый Устав училищ. Согласно ему в каждой епархии создавались училищные округа по числу духовных училищ. Училище поступало на полное содержание своего училищного округа. Устав предусматривал ежегодные съезды представителей духовенства училищного округа, на которых рассматривалось текущее положение дел в училище и решение вопросов об изыскании средств на его содержание. Эта система финансирования позволила упорядочить материальное положение училища и более или менее удовлетворительно покрывать все основные нужды учебно-воспитательного процесса, оплату труда преподавателей и организацию бытовых условий жизни училища. Срок обучения в училище остался прежним

– четыре года. Разрешено было принимать детей из других сословий с внесением умеренной платы за обучение [8]. Поэтому во второй половине XIX – начале XX века в училище учились и дети чистопольских горожан (20–30 человек), а училище получало за это дотации от городской управы. Реформа была ориентирована на повышение уровня образования в училищах. Обращалось внимание на качество преподавания и методику проведения занятий. Предусматривалось развитие начатков самостоятельного мышления учащихся, усиления их интереса к предметам за счет связи изучаемого с жизнью.

В 1895 г. при Успенском женском монастыре была открыта церковно-приходская школа для девочек, содержавшаяся на городские средства. Размещалась школа в двухэтажном деревянном здании. Следует заметить, что обучение младших девочек старшими велось и раньше, но келейно, т.е. в меру своих знаний и сил. С открытием школы появилась возможность обучать не только монастырских, но и приходящих девочек, причем давать им более глубокие знания по основным духовным дисциплинам, обучать началам грамоты, а также рукоделию. Немаловажным фактом было наличие своей библиотеки. Различий между дочерьми священнослужителей, дворян, купцов, мещан, крестьян и сиротами не делали. В начале XX века в школе обучалось около 150 учениц, и преподавали три учительницы [9, с. 67].

Серьезное значение делу воспитания и обучения подрастающего поколения придавали старообрядцы Чистополя. Так, председатель чистопольской старообрядческой поморско-брачной общины коммерции советник Петр Матвеевич Шапин на свой счет воздвигнул «прекрасное во всех отношениях, отвечающее современным требованиям гигиены и школьной строительности каменное здание» [10]. Показательно, что в Казани, где старообрядческие общины были многочисленнее, подобного училища так и не появилось. На содержании поморской общины находилось старообрядческое городское двухклассное училище, состоящее из пяти отделений, открытое в 1907 г. по разрешению Министерства народного просвещения. Училище, функционировало согласно уставу 1828 г. с программами по инструкции 1875 г.: «1) преподавание Закона Божия производить по программам, составленным и выработанным общиной и утвержденным министерством народного просвещения; 2) чтобы означенное преподавание (Закона Божия) поручено было избранному общиной и утвержденному в должности учебным начальством вероучителю» [11].

На содержание училища со стороны казны было ассигновано по 1 200 руб. в год. Со своей стороны П.М. Шапин, приобрел всю классную мебель, учебные пособия, весь необходимый инвентарь и пожертвовал на вечные времена капитал, проценты с которого на нужды училища ежегодно будут давать около 700 руб. Оклад жалованья учащим назначен был следующий: заведующему училищем при готовой квартире, отоплении и освещении 400 руб. в год, учительнице без квартиры 400 руб. в год. Вероучителю сначала было назначено за Закон Божий 150 руб. и за пение 75 руб., но затем это вознаграждение, как временная мера, было увеличено до 420 руб. в год, при готовой квартире, ее отоплении и освещении. За первый год жизни школы израсходована была следующая сумма: из 1 900 руб. годовых средств на жалованье учащему персоналу (считая 36 р. за заведывание училищем) выдано было 1 256 руб.; прислуге – 120 руб. На отопление и освещение – 292 руб. 71 коп.; на выписку книг, пособий, журналов, на хозяйственные принадлежности, канцелярию и другие мелкие расходы – 100 руб. 25 коп. Всего за год – 1 768 руб. 96 коп. Кроме того, учредителем училища П.М. Шапиным была произведена крупные единовременные затраты. Здание обошлось в 23 000 руб.; мебель, пособия и библиотека – 3 450 руб. Капитал, внесенный на вечные времена в чистопольское отделение государственного банка, равняется 16 400 руб. Как уже было сказано, проценты от этого капитала, согласно заключенных условий, должны идти исключительно на содержание и нужды вновь открытого чистопольского старообрядческого училища [12].

В первом 1907-1908 учебном году Закон Божий, чтение по старопечатным книгам и пение (в первом году не по «солям», а только «по напевке») преподавал вероучитель, бывший учитель яковштадского старообрядческого казенно-приходского училища, П.У. Ваконья; русский язык, арифметику, чистописание и рукоделие преподавали заведующий училищем Д.А. Кузнецов и учительница М.Л. Кокурина. Весь учащий персонал в должностях утвержден был директором народных училищ, а П.М. Шапин – высшим

начальством в звании почетного блюстителя училища. В число учащихся поступали дети трех согласий старообрядцев г. Чистополя: поморцы-брачные, поморцы-безбрачные (феодосиевцы) и «по кресту». От старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию, в первом году прошений о приеме не поступало. Училище совместно обучало мальчиков и девочек, в одних комнатах. В первом учебном году обучалось около 90 человек. В последующие годы количество обучающихся и преподавателей сократилось. Так, в 1914 г. в нем работали четыре преподавателя и обучались 67 мальчиков и девочек [13].

Кроме неоднократных посещений и ревизий училища инспектором народных училищ И.Н. Стрельниковым, который пользовался уважением среди местного старообрядчества, училище удостоено было посещением: попечителя Казанского учебного округа А.Н. Деревницкого и его помощника, казанского губернатора М.В. Стрижевского, директора народных училищ Казанской губернии М.Н. Пинегина, автора труда «Казань в ее прошлом и настоящем» (1890). На праздники Рождества Христова и св. Пасхи, в присутствии членов общины Н.В. Маланьичева, Е.П. Шашина, Ф.Г. Зайцева, П.П. Шашина и инспектора, в училище устраивались праздники для детей. Хор детей исполнял праздничные духовные песнопения, после чего всем детям раздавался чай и подарки.

В целом, старообрядчество Чистополя, составляющее значительную долю населения города, играло важную роль в культурном развитии края.

Говоря о структуре образования в уездных городах Казанской губернии, следует иметь в виду, что ей были присущи не только общероссийские черты, но и региональные особенности. Национальный сектор образования был представлен мектебе, медресе и кружками при мечетях. Все мектебе и медресе содержались на средства населения, расходы на них покрывались за счет добровольных пожертвований жителей. Государство практически никаких средств на них не отпускало. Народ не только строил школы, но и содержал их, отапливал и освещал, платил учителю, покупал учебники. Некоторые школы содержали целиком отдельные состоятельные люди из татар. По мнению Т. Давлетшина, татары были в состоянии строить и содержать большое количество школ не потому, что обладали большими средствами, а потому, что были экономными. Будучи мусульманами, они не употребляли спиртных напитков, и поэтому те средства, которые соседние народы тратили на водку, направляли на просвещение [14, с. 49]. Как мектебе, так и медресе, даже реформированные, в которых изучались светские науки и европейские языки, считались религиозными, то есть в основной своей массе татарские дети получали религиозное образование.

Открытие татарских светских школ правительством ставились различные преграды, которые существовали вплоть до 20 марта 1917 г., когда Временным правительством было издано постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» [15].

Школьная политика правительства в Казанской губернии вела, с одной стороны, к расширению государственной сети школ, а с другой, к «огосударствливанию» мектебе и медресе, к подчинению их интересам государства [16, с. 40]. На практике преобладало первое направление.

Следует отметить, что начальное образование у татар все же отличалось большей светскостью, чем мусульманское образование у других народов Востока. Образование нерусских народов ограничивалось начальной школой. Правительство выступало против обучения их детей в гимназиях и университетах.

В Чистополе татарская община была многочисленной, уже в 1817 г. в городе был мусульманский приход с мечетью. В 1874 г. был открыт второй мусульманский приход. В соответствии с мусульманскими традициями при мечетях издавна существовали конфессиональные школы – мектебе и медресе. Среди татарского населения города широко была распространена грамотность на основе арабской графики, а в высших слоях общества – знание арабских и персидских языков. Однако в них не изучали русского языка.

С середины XIX в. в Чистополе действовало весьма крупное по тем временам медресе «Камалия», названное по имени имам-хатиба Чистополя Мухамед-Закира, сын Габдул-Вагапа, Камалова (Абдул-Вагапов) (1804-1893). Закир ишан Камалов еще в начале своей деятельности в г. Чистополе построил на свои (и семейные) деньги добротное помещение для медресе, и с 1847 г. преподавал в нем. Известно, что медресе «Камалия» и мектебе при нем были построены в разные годы (и реконструированы) на средства Закир ишана и

целиком содержались за его же счет. В 1874 г. на средства имам-хатиба Мухаметзакира Мухаметкамалова для него было построено двухэтажное кирпичное здание (ул. Нариманова, д. 85) [17]. Позднее, в 1893 г., в духовном завещании Камалов писал, что в этом медресе на протяжении 46 лет на собственные средства он обучал богословским наукам и утверждает право преподавать сыну Ибрагиму (1876-1930) и другим лицам, не выходя за рамки, предписанные ишаном при его жизни, только религиозные дисциплины, а также татарский, арабский и персидский языки. Набор предметов для медресе был традиционным.

Согласно официальным данным, в 1874 г. в этом медресе обучалось 45 мальчиков, а в 1883 г. – уже 60. По неофициальным данным, в конце 1880-х гг. в четырех корпусах «Камалии» обучалось одновременно около 400 шакирдов из Казанской, Уфимской, Самарской и других губерний. Из стен медресе вышли известные крупные общественные деятели и просветители – Р. Фахреддин (1859-1936), Ф. Карими (1870-1937), педагог-просветитель, ученый, писатель, переводчик, журналист, издатель, общественный деятель; Г. Гафуров-Чыгтай (1867-1942), писатель, журналист; Х. Файзи-Чистапули (1871-1933), видный мусульманский богослов Поволжья суфийского шейха; Г. Исхаки (1878-1954), классик татарской литературы; Ф. Туктаров (1880-1938), деятель революционного движения, журналист и педагог.

Органы городского самоуправления Чистополя в целях заботы об образовании татарского населения открыли в 1880 г. так называемый «русский класс при медресе», содержавшийся за счет города. Открытие «русского класса» было обусловлено тем обстоятельством, что с 1870 г. все кандидаты на должности мулл должны были обязательно сдавать экзамен по русскому языку, а в медресе необходимо было вводить уроки русского языка или изучать русский язык в специальных классах, созданных при мечетях. Учителями в «русских классах» были выпускники открытой в 1876 г. Казанской русско-татарской школы. Шакирды, будущие кандидаты в муллы, проводили в медресе один день в неделю, по графику, таким образом, в классе было шесть комплектов учащихся. Из отчетов городской управы Чистополя следует, что обучение в медресе имело принудительный характер, поэтому количество учащихся не превышало 30–40 человек. Положение изменилось только в начале XX в. – в Чистопольском медресе шакирдов было уже около 80 человек. Таким образом, «русский класс» при медресе постепенно превратился в городскую школу для татарских детей, где их учили русскому языку, а обозначение «при медресе» стало условностью. Это явление отражает те процессы, которые происходили в татарском обществе в конце XIX – начала XX века. Знание русского языка было необходимым не только для повседневной жизни, но и для занятия торговой и предпринимательской деятельностью. В начале XX столетия дети татар обучались уже в городских начальных училищах.

В 1911 г. в Чистополе открылась начальная школа для татарских девочек – русско-татарское начальное женское училище, на паях содержавшаяся городской и земской управами. Не осталась в стороне и татарская общественность, в первую очередь, купцы и имам первой мечети М. Амирханов, которые выделили средства на постройку двухэтажного каменного здания с отдельными флигелями для квартир служащих (ныне ул. Вахитова, д. 24-26). Знаменательно то, что подобной школы для девочек не было даже в губернской Казани.

Проводя в жизнь правила 26 марта 1870 г., в целях обрусения нерусских народностей Казанской губернии, правительство начало с 1872 г. открывать для них миссионерские школы, где преподавание велось на русском языке. В основу организации школ для нерусских народностей легла педагогическая система известного ученого, педагога, просветителя и миссионера Николая Ивановича Ильминского (1822-1891), направленная на усиление идеологического воздействия самодержавия на инородцев и подготовку из них преданных чиновников для проведения колониальной политики. Эта система возникла немного раньше, еще в 1860-е гг., когда стала очевидной непригодность насильственных административных мер правительства и церкви по сплочению национальных меньшинств вокруг престола.

В специальных миссионерских школах, открытых для крещеных татар и других инородцев, учащиеся сначала обучались на родном языке, а потом постепенно переходили на русский язык. От окончивших такие школы ожидалось, что они будут распространять

христианство среди своего народа.

В правилах от 26 марта 1870 г. нерусские народы края подразделялись на две группы инородцев – христиан и мусульман. Хотя пути обучения каждой из них отличались, тем не менее, цель была одна. О цели, которую преследовало правительство через распространение просвещения среди инородцев, сообщалось в «Журнале Министерства народного просвещения» от 2 февраля 1870 г.: «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего Отечества, бесспорно, должно быть обрусение их и слияние с русским народом» [18, с. 284-285].

Большинство крещено-татарских школ открывались в селениях, где была большая вероятность «отпадения» местных жителей в ислам, или уже были зафиксированы такие случаи. Так, в конце 1860-х – начале 1870-х гг. миссионерские школы открылись в селе Нижней Никитинке (учитель С. Тупай) Чистопольского уезда.

Выводы.

Модернизация страны, следствием которой стала урбанизация, во многом «стирала» этноконфессиональные противоречия в образовательном процессе (как, впрочем, и в других сферах общественной жизни), поставив на первый план задачи экономического роста и личного обогащения (с вполне российским пониманием необходимости пожертвований значительной доли личного богатства на общественное благо). При этом замыслы центральной администрации входили в явное противоречие с интересами различных сил на местах, которые посредством групп давления через местные учреждения и элиты проводили корректировку реализации этих планов, в особенности в образовательной сфере, создавая и поддерживая огромное число школ с национальным уклоном и религиозной окраской, превращая их в эффективное средство адаптации местной молодежи к новым условиям модернизирующегося общества.

Среди других уездных городов Казанской губернии Чистополь выделялся наличием многочисленных учебных заведений начального и среднего звена. Первое учебное заведение появилось еще в конце XVIII века. Наряду с русскими учебными заведениями открывались аналогичные учебные заведения и для нерусского населения края: русско-татарское начальное женское училище, медресе «Камалия». Следует отметить и вклад чистопольских старообрядцев в открытие и функционирование учебных заведений города.

Примечания:

1. Dowler W. Classroom and Empire: The politics of schooling Russia's Eastern nationalities, 1860-1917. Toronto, McGill-Queen's univ. press, 2001. 448 p.
2. Geraci R. P. Window to the East: National and Imperial identities in late Tsarist Russia. Ithaca; L.: Cornell univ. press, 2001. 430 p.
3. Werth P. W. At the margins of orthodoxy: Mission, governance, and confessional politics in Russia's Volga-Kama region, 1827-1905. Ithaca; L., Cornell univ. press, 2001. 275 p.
4. Закарая Э.И., Черкасов А.А. Народное просвещение на Кавказе в период наместничества графа И.И. Воронцова-Дашкова (1905-1915 гг.) // История и историки в контексте времени. 2010. № 7. С. 36-43.
5. Гомаюнов С. Очерки истории Вятской духовной школы. Вятка, 2005. 162 с.
6. Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60-90 годы XIX в. М., 1994. 144 с.
7. Чистополь и чистопольцы. Из прошлого и настоящего. Казань, 2004. 461 с.
8. Вятские епархиальные ведомости. 1868. № 4. Отд. офиц. С. 97-109.
9. Чистополь и чистопольцы. Из прошлого и настоящего. Казань, 2004. 461 с.
10. Церковь. 1908. № 50. С. 1532.
11. Церковь. 1908. № 50. С. 1532.
12. Церковь. 1908. № 50. С. 1533.
13. Долгов Е.Б., Колясев А. Чистополь – Хлебный город. Режим доступа: http://clubs.ya.ru/4611686018427403776/replies.xml?item_no=76.
14. Давлетшин Т. Советский Татарстан (Теория и практика ленинской национальной политики). Лондон, 1974. 392 с.
15. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемых при Правительствующем Сенате. 1917. Ст. 400.
16. Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60-90 годы

XIX в. М., 1994. 144 с.

17. Гафиатуллина Л.Г. Благотворительная деятельность чистопольского купечества во второй половине XIX – начале XX века. Режим доступа: <http://dakazan.ru/2009-10-07/blagotvoritelnaya-deyatelnost-chistopolskogo-kupechestva-vo-vtoroj-polovine-xix-nachale-xx-vv/comment-page-1/>.

18. Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. Ч. 1. М.; Л., 1936. 512 с.

References:

1. Dowler W. Classroom and Empire: The politics of schooling Russia's Eastern nationalities, 1860-1917. Toronto, McGill-Queen's univ. press, 2001. 448 p.
2. Geraci R. P. Window to the East: National and Imperial identities in late Tsarist Russia. Ithaca; L.: Cornell univ. press, 2001. 430 p.
3. Werth P. W. At the margins of orthodoxy: Mission, governance, and confessional politics in Russia's Volga-Kama region, 1827-1905. Ithaca; L., Cornell univ. press, 2001. 275 p.
4. Zakaraya E.I., Cherkasov A.A. Narodnoe prosveshchenie na Kavkaze v period namestnichestva grafa I.I. Vorontsova-Dashkova (1905-1915 gg.) // Istoriya i istoriki v kontekste vremeni. 2010. № 7. S. 36-43.
5. Gomayunov S. Ocherki istorii Vyatskoi dukhovnoi shkoly. Vyatka, 2005. 162 s.
6. Farkhshatov M.N. Narodnoe obrazovanie v Bashkirii v poreformennyi period. 60-90 gody XIX v. М., 1994. 144 с.
7. Chistopol' i chistopol'tsy. Iz proshlogo i nastoyashchego. Kazan', 2004. 461 s.
8. Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. 1868. № 4. Otd. ofits. S. 97-109.
9. Chistopol' i chistopol'tsy. Iz proshlogo i nastoyashchego. Kazan', 2004. 461 s.
10. Tserkov'. 1908. № 50. S. 1532.
11. Tserkov'. 1908. № 50. S. 1532.
12. Tserkov'. 1908. № 50. S. 1533.
13. Dolgov E.B., Kolyasev A. Chistopol' – Khlebnyi gorod. Rezhim dostupa: http://clubs.ya.ru/4611686018427403776/replies.xml?item_no=76.
14. Davletshin T. Sovetskii Tatarstan (Teoriya i praktika leninskoi natsional'noi politiki). London, 1974. 392 s.
15. Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva, izdavaemykh pri Pravitel'stvuyushchem Senate. 1917. St. 400.
16. Farkhshatov M.N. Narodnoe obrazovanie v Bashkirii v poreformennyi period. 60-90 gody XIX v. М., 1994. 144 с.
17. Gafiatullina L.G. Blagotvoritel'naya deyatelnost' chistopol'skogo kupechestva vo vtoroi polovine XIX – nachale KhKh veka. Rezhim dostupa: <http://dakazan.ru/2009-10-07/blagotvoritelnaya-deyatelnost-chistopolskogo-kupechestva-vo-vtoroj-polovine-xix-nachale-xx-vv/comment-page-1/>.
18. Materialy po istorii Tatarii vtoroi poloviny XIX veka. Ch. 1. М.; Л., 1936. 512 с.

УДК 94

Этнорелигиозная мозаика позднеимперской России: национально-конфессиональная школа уездного Чистополя

¹ Ирина Валерьевна Корнилова

² Тимур Альбертович Магсумов

¹⁻² Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, Россия
423806, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, ул. Низаметдинова, 28.

Аннотация. На примере школ уездного города полиэтнического Поволжского края рассматривается региональное преломление политики по консолидации имперского пространства. Констатируется, что модернизационные процессы, поддерживаемые потребностями местных элит, превалировали над традиционалистской политикой властей по созданию единой нации с целью поддержания жизнеспособности имперского строя.

Ключевые слова: образование; Чистополь; нация; религия; Российская империя.